

**ДМИТРИЙ
КОРОВНИКОВ**

22

**КУРСАНТ
УМГЕРУУ**

Дмитрий Коровников
Курсант Империи - 22
Серия «Курсант Империи», книга 22

<https://litres.ru/74624123>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ты молод, богат и беззаботен? Думаешь, мир у твоих ног? Что ж, пришло время расплаты, парень! Родина-мать призывает тебя под ружье. Забудь о девочках, тусовках и папином наследстве. Теперь твой дом казарма, а семья братья по оружию. Империя не спрашивает, она приказывает. И ей плевать, мечтал ли ты стать ее защитником или нет. Так что заткнись, бери штурмовую винтовку, натягивай броню и готовься к бесславной гибели на очередной забытой Богом планете, в окружении таких же недоносков, как ты.

P.S. И помни: твоя жизнь теперь принадлежит Российской Империи. И сдохнуть за нее не самый худший из имеющихся вариантов. Такие дела, курсант Васильков...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Дмитрий Коровников

Курсант Империи - 22

Глава 1

Город начался со стены, его опоясывающей. Даже сверху и издалека было видно, что держалась она больше на честном слове: кладка осыпалась целыми пролётами, в проломы натекло песку, а где не справился песок, справлялись местные, пристроив к древнему оборонительному валу свои лачуги, приспособив его под заднюю стенку. Ставили эту ограду, надо думать, первые колонисты, явно против лидскорпионов, в те времена, когда твари бродили по ночам поодиночке и от одиночки камень ещё спасал. С тех пор насекомые научились ходить строем, а стену так ни разу и не подлатали, и выходило, что из двух сторон этого давнего спора за век поумнела только одна.

Дальше за периметром громоздился столичный полис. Расти вширь ему не давала всё та же стена, и город, как всякий упрямый организм, полез вверх: красные каменные коробки стояли одна на другой, верхние опирались на крыши нижних, между ними висели мостки, бельё и что-то, что издали сходило за лестницы. Муравейник из красного камня, только без муравьиной дисциплины: каждый строил как

умел и на чём придётся. Ближе к центру камень выпрямлялся, улицы раздавались вширь, мелькала зелень и сеть различных фасадов, но порядок жил там на честном слове, как парадная рубашка на человеке, который трое суток не вылезал из караула.

Вскоре город ушёл за корму вместе с красным цветом, и под нами поплыли песчаные холмы. На самом высоком из них, выставленная напоказ, белела вилла в колониальном стиле: белый камень, колоннады в два яруса, веранды под навесами, галереи, которые вели главным образом к другим галереям, и вокруг всего этого зелень такая густая, что пустыня не решалась подойти ближе. Посреди зелени били фонтаны. На фонтаны я смотрел дольше, чем на дом. В поселении, где мы держали оборону, на всю площадь приходился один колодец, а здесь воду подбрасывали в воздух, чтобы полюбоваться, как красиво она падает обратно.

В своей прошлой жизни я повидал немало богатых домов. Одни прятали деньги от гостей, другие ими гостей встречали, как встречают хлебом-солью, только вместо каравая на рушнике лежала выписка со счёта. Этот особняк был из вторых и предъявлял выписку ещё на подлёте.

Вельбот сел на площадку у сада. Едва откинулся люк, жара легла мне на плечи всем своим весом. У края площадки нас уже ждали. Мажордома я поначалу принял за человека: седые виски, ливрея, лицо дворецкого из старого хорошего дома. Выдало его солнце. Под таким солнцем с живого чело-

века в ливрее течёт ручьём, а у этого на лице не блестело ни капли. Поклонился он ровно на ту глубину, какой Ипполит требовал от себя и, к моему несчастью, от меня.

— Господин генерал-майор. Михаил Алексеевич ожидает вас в оранжерее. Прошу следовать за мной.

Вёл он нас недолго, зато с таким достоинством, что пара коридоров ощущалась церемонией. Впереди разошлись стеклянные двери, и меня обдало влажным теплом, запахом мокрой земли и чего-то сладкого, цветущего так усердно, словно ему за это платили. Под куполом теснились деревья. У ближайшего стояла девушка с подносом, на котором запотевали бокалы, а с дальнего конца, раскинув руки, к нам уже спешил губернатор.

Спешил он, чуть припадая на левую ногу, и от этого радующие у него выходило немного вприпрыжку. Белый костюм, ровный загар, гладкое лицо человека, который следит за собой тщательнее, чем за планетой, и улыбка. Улыбку я отметил отдельно: она зажигалась, как прожектор, и была в того, на кого губернатор смотрел, со всей мощностью, так что хотелось зажмуриться.

— Господин генерал! Наконец-то! — Он надвигался так решительно, что я всерьёз ждал объятий. Ли этот миг пережил, не шелохнувшись, и губернатор, передумав на ходу, поймал его ладонь обеими руками. — Михаил Алексеевич Устинович. Счастлив, искренне счастлив! Вы уж простите, что хромаю. Сегодня при пробежке, будь она неладна, потя-

нул. Здоровье, оказывается, требует жертв. Как долетели?

— Долетели, — ответил Ли.

— Вот и славно, вот и замечательно! — Проектор из сияющих глаза и белоснежных зубов повернулся ко мне. — А это у нас кто? Ваш адъютант? Прошу, прошу, молодой человек, будьте как дома! Генерал, у вас глаз на людей: какое у лейтенанта лицо, а какая выправка! Сразу видно, юноша из хорошей семьи.

В адъютанты и офицеры меня за всю службу не производили ни разу, а тут произвели с порога и без всяких заслуг. Поправлять губернатора я не стал.

— Благодарю, Михаил Алексеевич. У вас тут, — я обвёл рукой купол, — как в раю. Только с поливом по расписанию.

— Ха! Слышите, генерал? В раю! — Михаил Алексеевич расхохотался так охотно, будто ждал этой шутки всю жизнь, и, не глядя, взял с подноса бокал. Девушка с подносом улыбнулась ему так, как улыбаются только на рекламе курортов. — Вот она, лейтенант, моя слабость. Некрасивого я рядом не терплю. Ни в саду, ни в доме, ни в прислуге. Уж если иметь машину, так лучшую, последнюю модель, чтобы глазу было приятно. На прочих, знаете, смотреть утомительно, а жизнь у нас одна.

Не осмеливаясь пока приближаться к вечно хмурому Ли, губернатор взял меня под локоть и подвёл к дереву с листьями шире моей спины.

— Полюбуйтесь! Везли издалека, вместе с родной землёй.

Без своей земли, говорят, не приживается.

— Капризное, — посочувствовал я. — Нас вот без всяких кадок возять.

— Ха! Хорошо сказано! — Губернатор погрозил мне пальцем, как сообщнику. — Ох, генерал, держите его при себе, с таким не соскучишься.

Ли молча наблюдал за нами с двух шагов, ладонь, ещё хранившую влажное тепло губернаторского рукопожатия, держал у бедра, как вещь, которую вернули из чужих рук и пока не проверили.

Такое рукопожатие, как и поведение, он знал. Встречал его в приёмных и дворцовых залах, куда служба заносила его чаще, чем ему хотелось бы: там руку ему жали сенаторы и сановники всех мастей и калибров, и жали тем крепче, чем меньше собирались дать. В высших кругах его дважды сдавали свои, и с тех пор Ли слушал не слова, а паузы перед ними. У местного губернатора пауз не было вовсе. Радушие вспыхивало у него раньше, чем он успевал подумать, нужно ли оно, а смех начинался прежде, чем собеседник договаривал шутку. Так смеются в долг. Все послания губернатора были составлены в повелительном наклонении, а их автор теперь водил гостей между экзотическими кустами, как дорогих родственников. Который из двух тонов настоящий, гадать не приходилось: тот, в котором не нужно было улыбаться.

Рядовой Васильков тем временем расцветал всё больше и

больше. Тот самый Васильков, который в коридоре у гаупт-вахты уговорил генерала на этот визит, теперь кивал так, словно всю жизнь мечтал узнать, как перевозят деревья с родной землёй. Раздражения Ли не испытывал. В восемнадцать лет лезть легко принять за доброжелательность собеседника: тем более, если человек разглядел в тебе офицера. Чутьё у рядового, похоже, на время отлучилось, как часовой, решивший, что смена уже пришла.

— Генерал, вы обязаны увидеть мой дом, — объявил губернатор, отпустив наконец дерево. — Нет-нет, я знаю: дела, насекомые, война... Но десять минут! Умоляю. Покажу сам, лично!

Сам, лично, в доме, где двери открывали машины, а гостей встречал мажордом. Ли оценил такую честь и прикинул, во что она обойдётся.

— Ведите.

Залы шли анфиладой, один выше и прохладнее другого. Белый камень гасил шаги, и звучали они глухо, как в храме, куда пускают по билетам. На стенах висели картины в тяжёлых рамах, в нишах стояли статуи, у каждой двери ждала девушка, и все они были подобраны с тем же вкусом, что и картины. Губернатор прихрамывал впереди, называл художников, века и цены, причём цены произносил отчётливее прочего.

В одной из спален, просторной, как ангар, он задержался и широким жестом обвёл кровать, окна, сад за окнами.

— Гостевая. Тишина, вид, никто не беспокоит. Захотите отдохнуть от вашего линкора, генерал, она ваша. Хоть на день, хоть на месяц. А если вечером станет скучно, найдётся кому его скрасить. Вы моих девочек видели.

— Видел.

— У вас ведь на линкоре и окон, поди, нет?

— Есть тактическая карта. Мне хватает.

— А колонны у вас цельные? Не облицовка? — я делал вид, что в восхищении.

— Обижаете, лейтенант! Цельный камень, до последнего завитка!

Рассказывал губернатор мне, но в конце каждой фразы взгляд его соскальзывал на Ли и проверял, дошло ли того. Так пристреливают оружие по ближней мишени, чтобы потом бить по дальней. Чем кончится экскурсия, Ли уже знал. Увести эскадру с орбиты губернатор не попросит: такой отлёт заметили бы те, кто эскадру посылал, и задали бы вопросы, неудобные прежде всего ему самому. Значит, попросит меньшего. Не уходить, а не спешить. Например, искать, но не там. Находить, но не всё. Оставалось дожидаться, когда хозяин назовёт цену, а называть её он, судя по числу залов, собирался долго.

Из спален губернатор повёл гостей вниз, к саду, и Ли, спускаясь по широкой белой лестнице, слышал, как рядовой Васильков у него за спиной хвалит перила.

Перила, к слову, похвалы действительно заслуживали:

резной камень, гладкий и прохладный даже в здешнюю жару. Хвалить вообще было что. Хозяин показывал щедро и со знанием дела. Ковёр, который ткали вручную на какой-то дальней планете, где до сих пор ткут вручную; планету он назвал, и я её тут же забыл. Ваза, которой, по его словам, было больше лет, чем всей колонии. Бар, где каждая бутылка прилетела из своей системы.

— Вашу бригаду спить хватит! — похвастался губернатор.

— Бригада бы не жаловалась, — заверил я.

Отдельной гордостью была витрина у окна. На тёмном бархате лежал камень величиной с куриное яйцо и ловил свет всеми гранями сразу.

— Посмотрите, лейтенант, посмотрите! Ни единого изъяна!

Камень и правда был хорош. В драгоценных камнях я кое-что понимал.

— Чистая вода, — оценил я.

— Разбирается! — Хозяин просиял так, будто это я ему камень подарил. — Генерал, он разбирается!

Ли кивнул камню, как кивают незнакомому сослуживцу в чужом штабе.

Девушки-андроиды по-прежнему попадались нам на каждом повороте. Одна распахивала двери, другая подавала прохладные напитки и фрукту, третья поправляла в вазе цветы, которые в поправке не нуждались. Все до одной были

красивы так, что хотелось расправить плечи, и так похожи на живых, что отличить их удавалось лишь по одному признаку: ни одна не перешёптывалась с подругами. Насчёт последних моделей губернатор ничуть не прихвастнул.

Где-то между садом и бассейном я начал подсчёт. Садовник, подстригавший кусты в шары, был машиной. Охранник у ворот был машиной. Существо, вылавливавшее из бассейна единственный упавший лист, тоже оказалось машиной и трудилось с таким прилежанием, словно от этого листа зависла судьба колонии. Людей в доме было трое, и двое из них прилетели на вельботе.

Открытие было из тех, что холодят спину даже на солнцепёке. Машина слушается владельца и молчит, когда владелец велит молчать, это я знал с детства. В таком доме можно было говорить и делать что угодно, и ни одна живая душа не узнала бы. За отсутствием живых душ.

— Вот! — Губернатор хлопнул меня по плечу. — Вот как надо смотреть на вещи, генерал! Молодёжь понимает. А вы, лейтенант, давно при штабе? Я бы такого адъютанта у себя оставил. Переманил бы, честное слово.

Тянуть дальше было некуда.

— Я не лейтенант, Михаил Алексеевич. А рядовой.

— Рядовой... — Хозяин повторил это слово, как повторяют незнакомый термин, и повернулся к Ли за переводом. — Как это — рядовой?

— Рядовой, — подтвердил Ли.

Почему рядовой находится при нём, генерал не объяснил, а губернатор, надо отдать ему должное, не спросил. Ладонь с моего плеча убралась сама собой, без спешки, как убирают руку с перил, когда кончилась лестница.

Прожектор погас не сразу. Михаил Алексеевич даже улыбнулся мне ещё разок, по инерции, но луч прошёл мимо и достался кусту за моей спиной. Больше со мной не заговаривали. Уязвлён я был ровно настолько, насколько бывает уязвлён разжалованный лейтенант, которым ты не был. То есть изрядно. Зато у положения пустого места обнаружилось одно преимущество: при нём не стесняются. Я отстал на шаг, потом на два и стал слушать.

— Я ведь, генерал, человек простой, — заговорил губернатор, шагая вдоль бассейна так близко к Ли, что почти задевал его плечом. — Люблю, когда вокруг красиво. И люблю, когда красиво у моих друзей. Вот генерал Карр, знаете Карра? Командующий планетарной обороной, золотой человек. Недавно особняк отстроил, загляденье! Я помогал чем мог, по-дружески. Друзья губернатора внакладе никогда не остаются.

— Не имею чести знать генерала Карра.

— Это тот, кто давал вам аэробагги для разведки... Я вас познакомлю! Непременно познакомлю. — Хозяин вздохнул, и лицо его на миг сделалось скорбным, как портрет в траурной рамке. — О, эти нападения... Ужас. Ужас! Поверите ли, ночами не сплю.

Бар, рассчитанный на бригаду, я видел своими глазами и в бессоннице губернатора не сомневался.

— Сочувствую, — отозвался Ли.

— Вот и я о том же: тут нужна деликатность. Твари эти испокон лет здесь живут, и сосуществовали же мы с ними как-то. А вот растревожишь гнездо, полезут на поселения. Не торопитесь, генерал. Осмотритесь, отдохните. Караим не любит спешки. И тех, кто это понимают, всегда в плюсе. Вы ведь не век собираетесь в погонах ходить? Сад, домик, тишина...

— Я так надолго не загадываю.

— А зря! Загадывать надо, тем более, что есть кому исполнить.

Ли остановился у края бассейна. Вода лежала в нём такая голубая, что казалась нарисованной, и генерал разглядывал её, будто искал на дне что-то, что сам туда уронил.

— Мне поручено очистить планету от насекомых, господин губернатор. И я её очищу.

— Разумеется, разумеется! Никто и не спорит! Я лишь к тому, что спешка...

— Я не спешу. Я работаю. В отличие от некоторых.

Губернатор переступил с больной ноги на здоровую. Проектор мигнул, как при скачке напряжения, и разгорелся снова, но я уже успел увидеть, что за ним. Михаил Алексеевич посмотрел на генерала долгим, внимательным взглядом человека, который пересчитывает сдачу и обнаруживает

недостачу. Сумма у него не сходилась, и, судя по лицу, сходиться больше не собиралась.

— Посмотрите, какой вид, генерал. — Он повёл рукой на сад, колонны, фонтаны. — Вот ради чего стоит жить. Вот ради этого, а не ради беготни по пустыне за жуками.

— Вместо экскурсий по особняку вам стоило бы подумать о тех, кто лишился домов в разорённых поселениях, — произнёс Ли, не повышая голоса. — Хотя бы тех, кто остался жив после нападения.

Фонтан за спиной губернатора всё так же подбрасывал воду в воздух.

— Мои солдаты постоянно натыкаются там на кости.

Генерал помолчал ровно столько, чтобы губернатор успел понадеяться, что договориться не получится.

— Человеческие.

Глава 2

Про кости губернатору не понравилось. Ещё меньше ему понравилось, что о них заговорили вслух и говорил человек, которому по сценарию полагалось восхищаться видом. Михаил Алексеевич опустил руку, которой только что обводил сад, и ласковость слетела с него, как чехол с мебели. Под чехлом обнаружилось кресло хозяина: тяжёлое, прочное и рассчитанное лишь на одного.

— Вы забываетесь. — Голос у него стал ровным и холодным. — Я вас пригласил. Открыл вам свой дом. А вы стойте на моей земле и читаете мне мораль. Так вот, послушайте теперь меня. Караим — мой. Весь, от этого бассейна до последней дюны. Здесь ничего не происходит без моего ведома, и посторонним здесь делать нечего. А если уж чужак явился, он приходит ко мне, просит разрешения и делает то, что я скажу, и так, как я скажу. Так здесь заведено, и не вам это менять.

Совсем недавно меня похлопывали по плечу, а теперь передо мной стоял господин, у которого вся планета ходила в дворне, и я в этой табели о рангах числился где-то между садовником и садовым шлангом. Переход вышел таким гладким, что я невольно проникся уважением. Так легко из радужного хозяина в барина превращается только тот, кому барином быть куда привычнее.

Ли выслушал всё до конца и с ответом не спешил. Точно так же он недавно выслушивал в камере майора ИСБ, и майор после этого остался без табельного оружия и возможности свободно перемещаться по кораблю. Обезоружить губернатора на его собственной планете было бы, конечно, эффективно. Только потом нам закрыли бы Караим.

Думать дольше было некогда. Двери в последний зал перед садом стояли распахнутыми, и в простенке напротив них висело полотно, мимо которого нас уже проводили. Я шагнул к порогу.

— Михаил Алексеевич, простите, не удержался. Это ведь Мухоловкин? «Сумерки на веранде»? Невероятно! Расскажите, как он к вам попал.

Губернатор повернул ко мне голову медленно, как поворачиваются на муху, выбравшую неудачный момент. Вежливость он сохранил, но держал её на вытянутой руке, подальше от себя.

— Не сейчас... рядовой.

— Одну минуту...

— Не сейчас. — Он даже улыбнулся, коротко, одними губами. — Да и зачем вам? Солдату картины ни к чему. Солдату полагается разбираться в прицеле. А прекрасное, уж простите, требует подготовки.

Оскорблённое лицо у меня отработано с детства. Им я годами, пусть и безуспешно, но таки отбивался от Ипполита, когда тот выставлял мне счета за разгромленные гостиные,

при этом мой дворецкий сдавался не всегда, но всякий раз задумывался. Я приложил ладонь к груди, приподнял брови и слегка отшатнулся, как человек, которому наступили не на ногу, а на родословную.

— Обычный солдат, не знал бы, чья это кисть. Как не знал бы и названия. — Я выдержал паузу. — Позвольте представиться ещё раз. Перед вами — глава корпорации «Имперские Самоцветы». Александр Васильков. Будем знакомы.

Стало так тихо, что я услышал, как плещет о бортик вода. Губернатор уставился на меня, словно я при нём вынул из кармана карликовую копию живого лидскорпиона и предложил погладить. О «Самоцветах» он, разумеется, знал: о них слышал всякий, у кого в доме есть украшения, или на худой конец хоть что-нибудь, связанное с электроникой, а в этом доме было всё. Как раз это губернатора сейчас и подкосило. Глава одной из богатейших корпораций Империи обязан быть седым, солидным и сидеть в кабинете размером с половину этого сада, а не торчать у чужого бассейна в самом нижнем звании, какое только бывает.

— «Имперские Самоцветы», — повторил он. — Те самые?

— Других не держим.

— Молодой человек, если это шутка, то неудачная. Вам сколько лет?

— Восемнадцать.

— В восемнадцать корпорациями не руководят.

— Руководят, уважаемый Михаил Алексеевич. Если очень не повезёт.

— И при этом служат рядовым штурмовиком?

Поправлять его в сторону ещё большего понижения я не стал. Штрафник в этой беседе был бы уже перебором. Я просто посмотрел на него спокойно и чуть устало, тем взглядом, которого никогда не репетировал. Он достался мне вместе с фамилией, и на людей, привыкших мерить других деньгами, действовал безотказно.

Губернатор продержался недолго. О враге в лице генерала, которому только что растолковывал правила своей вотчины, он забыл начисто и повернулся к нему, как поворачиваются к единственному взрослому в комнате.

— Генерал, он что... серьёзно?

— В данном случае, да, — подтвердил Ли. — Глава какой-то корпорации. Я читал в его деле, когда брал к себе во временные помощники.

Какой-то. Одна из богатейших корпораций Империи проходила у генерала Ли по разряду «какая-то», где-то между графой о взысканиях и группой крови. Признаться, это понравилось мне куда больше всего губернаторского радушия, вместе взятого.

В прошлой жизни я не раз видел, как меняется лицо метрдотеля, когда он заглядывает в список гостей и находит там мою фамилию. Губернатор свой список пролистывал в данный момент. Плечи у него расправились, голос потеплел ра-

зом на несколько градусов, а в глазах появилось то нежное, почти родственное выражение, с каким смотрят на крупный вклад.

— Александр... простите, а по бабушке?

— Иванович.

— Александр Иванович! — Имя-отчество он распробовал, как дорогое вино. — Что же вы сразу не сказали? А я тут, понимаете, с генералом... Пустое. Так вы, значит, разбираетесь? Расскажите! Мне продавец столько всего наговорил, что в памяти осталась одна цена.

Наследникам, на их беду, преподают и это, и кое-что в голове у меня, как ни странно, задержалось. Я подошёл к полотну. Женщина на веранде, сумерки, лампа, которую ещё не зажгли, и свет, который уже уходит.

— Мухоловкин всю жизнь писал одно и то же время суток, — начал я, делая одухотворённое лицо. — Последние минуты перед темнотой. Ни утра, ни полудня, только это. И заказных портретов не брал никогда, даже за очень большие деньги. Говорил, что сильные мира сего на холсте выходят слишком похожими. Обратите внимание на руки. Он писал их последними, когда света почти не было, поэтому руки у него всегда теплее лица. По рукам его и узнают: подделать лицо может любой, а руки ни у кого не выходит.

Губернатор слушал, приоткрыв рот, и переводил взгляд с картины на меня, будто впервые видел и то и другое. Шпилька про сильных мира сего пролетела мимо, не задев его да-

же краем. Руки женщины на холсте и правда были теплее её лица. Я это заметил ещё тогда, когда меня проводили мимо как лейтенанта, и промолчал, потому что лейтенанта никто не спрашивал.

— Поразительно, — выдохнул он. — Нет, Александр Иванович, это поразительно! Но как же вас, с вашим именем, с вашими знаниями, занесло в армию?

— Думаю, призвание.

Призвание у меня и вправду было, одно-единственное: держаться от армии подальше. Оно меня в штрафбат и привело, причём кратчайшей дорогой. Рассказывать об этом губернатору я не собирался. Хорошие истории на кого попало не тратят.

— Призвание, — уважительно повторил Михаил Алексеевич. — Но тогда почему не гвардия? С вашей-то фамилией вас бы в императорскую гвардию с оркестром приняли! Парады, столица, приличное общество. А вы, простите, рискуете жизнью и гоняетесь за жуками по этой забытой Богом планете.

Забытой Богом. Только что эта планета была его вотчиной, куда без поклона не ступают, а теперь, гляди-ка, о ней забыли на самом верху. Ловить Устиновича на слове я не собирался, потому как уже закидывал удочку.

— Теперь будет легче, господин губернатор. — Я постукал пальцем по браслету. — Раз мы знаем, что у скорпионов внутри стоят нейроимпланты, и знаем, как их найти, охота

пойдёт веселее.

Генерал взглянул на меня с осуждением. Нет, он не шелохнулся, только подбородок у него затвердел, а на лице проступило то сосредоточенное выражение, с каким сдерживают кашель на похоронах. Одёрнуть меня при губернаторе он не мог: это значило бы подтвердить каждое моё слово. Поэтому он молчал, и молчание это я слышал отчётливее любого крика.

Губернатор же не сводил глаз с моего браслета. Разглядывал его внимательно, чуть прищурившись, совсем не так, как разглядывал картину. Потом спохватился и поднял брови.

— Импланты? — переспросил он, и удивление прибыло с маленьким опозданием, как актёр, пропустивший свою реплику. — В насекомых? Генерал, неужели это правда?

Ли ответил после паузы, в которую уместилось всё, что он думал обо мне.

— Правда. А теперь прошу простить. Нам пора возвращаться на орбиту и готовить операцию по поимке и уничтожению насекомых. Васильков, за мной.

Обратно мы пошли через сад. Девушки у дверей проводили нас поклонами, одинаковыми до миллиметра. Генерал шагал быстро, я поспевал следом, стараясь не наступать ему на тень, и считал повороты до площадки. У очередного поворота Ли заговорил, не оборачиваясь, так тихо, что слова долетали до меня одного:

— Вы только что выложили главное, что у нас есть, чело-

веку, о котором мы ничего не знаем. Кроме того, что он не хочет видеть нас на этой планете.

— Господин генерал, я...

— Ваш язык, Васильков, работает быстрее головы. На войне за это обычно платят высокую цену. Причём, зачастую другие.

Это попало точно туда, куда было нацелено. Знал генерал или нет, но больше пули я боялся именно этого: что однажды за мою удачу расплатится Толик, или Папа, или кто-нибудь из тех, кто идёт за мной, не спрашивая куда. Но, в данном случае возразить было чем, и я как раз собирался сделать это особенно убедительно, когда сзади раздалось:

— Господа! Господа, стойте!

Нас догонял губернатор. Догонял лёгкой упругой трусцой, той самой, на которой, надо думать, и потянул ногу. Больная нога при этом была начисто забыта, а вместе с ней хозяин потерял и свой барский тон: вероятно остался где-то у бассейна. Лицо у Михаила Алексеевича было виноватое, открытое и такое искреннее, что хотелось немедленно ему поверить и так же проверить карманы.

— Генерал, ради Бога, простите! — Он остановился перед нами и прижал ладонь к сердцу. — Погорячился. Признаю. Жара, нервы, эти нападения... Вы же сюда помогать прилетели, я ведь это понимаю! И я вам помогу. Всё, что требуется.

Ли перевёл взгляд с губернаторского лица на его ногу и

обратно. Ничего не сказал, но мне почудилось, что где-то глубоко внутри генерала, куда посторонним вход воспрещён, шевельнулась сухая усмешка.

— Хотите помочь? Тогда письменно завизируйте, что моей бригаде разрешено действовать на планете. И что никаких запретов в дальнейшем не последует.

— Ну что вы сразу о делах, мой дорогой! — Михаил Алексеевич всплеснул руками, словно ему предложили обсуждать бухгалтерию на свадьбе. — Дела никуда не денутся. Раз уж мы с вами повздорили, давайте и помиримся по-человечески. Зароем, так сказать, топор войны. У меня, знаете ли, бывают вечера. Творческие! И сегодня как раз один из них, через три часа, здесь, в доме. Соберутся все, кто на Караиме хоть что-нибудь значит: важные люди, творческие люди, лучшие люди этой планеты. Музыка, напитки... Будет весело. Очень-очень весело. Я вас приглашаю. Обоих. И вы, Александр Иванович, непременно приходите! — Он подмигнул мне, как старому приятелю. — Там, генерал, и получите свою визу. Обещаю.

Слово «там» он выложил отдельно, на виду, как фишку на сукно. Меня же больше насторожило двойное «очень». Людям, которым действительно весело, хватает одного.

— Благодарю, губернатор, но... — начал Ли тоном, каким ставят точку.

Я улыбнулся губернатору самой светской из своих улыбок.

— Михаил Алексеевич, одну минуту. Нам с шефом нужно свериться с графиком.

И, не дожидаясь, пока кто-нибудь из них успеет возразить, отступил к колонне у края дорожки, всем видом приглашая генерала за собой.

Ли позволил отвести себя на несколько шагов, и я до сих пор не знаю, кого из нас это удивило больше. Я встал так, чтобы заслонить спиной губернатора, и заговорил вполголоса, быстро, пока меня не остановили:

— Господин генерал, нам нужно туда пойти.

— Нет.

Одно слово, без пояснений. Сборыща, где много пьют и мало говорят по делу, генерал, судя по этому «нет», любил ещё меньше, чем самого губернатора, а губернатора он сильно заметно не любил.

— Выслушайте. — Во рту у меня пересохло, и я облизнул губы. — Тот, кто чипирует скорпионов, не в пустыне сидит. Ему нужны деньги, люди, помещения, наконец, прикрытие. Всё это на Караиме есть только у тех, кто наверху. Барчук, когда я его спросил, сидит ли здесь такой же, как он, утвердительно кивнул.

— Вы мне этого не говорили.

— Он кивал на всё подряд. Я не был уверен. И сейчас не уверен. — Я оглянулся через плечо. Губернатор ждал на дорожке и улыбался нам обоим сразу. — Но если этот человек существует, вечером он будет здесь.

Ли молчал. Я понимал, чего стоит ему это молчание: только что он отчитывал меня за длинный язык, а теперь тот же самый язык выкладывал ему довод, который попадал в цель. Генерал смотрел мимо меня, на белые колонны, и я почти слышал, как он раскладывает задачу на части, как тогда, в коридоре у гауптвахты.

— В одного скорпиона вживить имплант можно и в подвале, — продолжал я дожимать, повторяя свои доводы. — В тысячу — не получится. Для этого нужны люди и оборудование. А главное — тишина. А тишину на планете может обеспечить тот, кто ею распоряжается.

На последних словах взгляд его на мгновение ушёл мне за плечо, туда, где на дорожке переминался губернатор, и вернулся обратно. Кого я имел в виду, он не уточнил.

— Вы правы, этот человек, если он есть, сегодня будет в этом доме. — Ли коротко кивнул. — Что ж, заодно посмотрим, кому хозяин первым расскажет про ваш браслет.

Он обошёл меня и вернулся к переминавшемуся на дорожке губернатору.

— Хорошо. Мы будем.

Глава 3

Согласие генерала губернатор принял как капитуляцию, подписанную не глядя, и поспешил закрепить успех, пока противник не перечитал условия. Он подхватил Ли под локоть и повлёк в дом, на ходу переходя на тот задумчивый тон, каким уговаривают гостей остаться ночевать. Я пошёл следом.

— Чудесно, генерал, чудесно! Но зачем же тогда уходить? Оставайтесь! Комната с видом на сад, душ, что-нибудь со льдом... Я ведь вам и половины не показал! — Он обернулся ко мне через плечо. — Александр Иванович, ну хоть вы ему скажите! Вы-то человек понимающий.

Я только пожал плечами: решаю, мол, здесь не я. До поры это было правдой.

Ли высвободил локоть. Сделал он это без малейшей резкости, но так основательно, что губернаторская ладонь ещё мгновение висела в воздухе, сжимая пустоту. Этого человека он терпел ровно столько, сколько требовала служба, а лишних три часа под его крышей служба не требовала.

— Благодарю, господин губернатор. Мы слетаем в город и пройдемся. К восьми будем у вас.

— В город? — Губернатор даже приостановился. — Помилуйте, да что вам там делать? Там пыль, теснота, пахнет, наконец... — он поискал слово помягче и не нашёл, — бед-

ностью. Я туда даже не спускаюсь. И поверьте, город от этого ничего не теряет.

Взгляд его при этом скользнул к небу, туда, где за дымкой висел невидимый отсюда «Аскольд», и вернулся уже лукавым.

— Знаю я вас, военных! Скажете «в город», а сами — фьюить! — и на орбиту, к своим. А у меня, между прочим, весь вечер на вас построен!

Слово «построен» мне не понравилось. Так говорят о мизансцене, когда актёров уже расставили по местам и ждут только, чтобы поднялся занавес.

— Я же сказал: мы летим в город.

— Хорошо, хорошо! — Губернатор вскинул руки, сдаваясь, и тут же, не опуская их, отыскал выход, при котором сдаваться не пришлось. — Только город у нас своеобразный. Заблудитесь, свернёте не туда, обидит ещё кто-нибудь... Нет-нет, не спорьте! Значит, так: я дам вам экскурсовода.

Он хлопнул в ладоши, и из-за колонны вышла девушка. Красавиц в этом доме я насмотрелся за день, по одной у каждой двери, но эту у дверей не держали. Смуглая, черноволосая, в лёгкой тунике песочного цвета, которая была уступкой приличиям, причём уступкой небольшой, она шла к нам неторопливо, и в каждом её шаге было больше зноя, чем во всём здешнем полудне. Тяжёлые волосы лежали у неё на плечах, и ни одна прядь не выбивалась без разрешения. Она подняла на меня тёмные, чуть раскосые глаза, и рука моя са-

ма потянулась поправить воротник. Я вернул её на место. Я знал, что передо мной машина. Рука, как выяснилось, этого не знала.

— Таис, душа моя, это наши дорогие гости. — Хозяин взял её за кончики пальцев и повернул к нам, как поворачивают к свету удачную покупку. — Покажешь им город. Только хорошее, слышишь? И к восьми — домой, вместе с гостями. Головой отвечаешь.

— Буду рада, Михаил Алексеевич, — ответила она высоким голосом с едва заметной хрипотцой. Ради такого голоса хотелось задать ей какой-нибудь вопрос, лишь бы услышать ответ.

— Умница, — умилился губернатор. — Город она знает, как свои пять пальцев.

— Губернатор, в провожатых мы не..., — попытался отмахнуться Ли.

Но, тот не слушал. Он уже повернулся к Таис и втолковывал ей, по каким улицам нас водить, а какие обходить стороной, с таким воодушевлением, словно дирижировал оркестром из одной скрипки. На нас он не смотрел, и другого случая могло не представиться. Второй раз за день я решил за генерала. В первый раз, у колонны, я обошёлся словами, теперь же беспардонно, по-приятельски дёрнул его за рукав и только потом сообразил, чей это рукав.

Ли не договорил. Он опустил взгляд туда, где только что побывали мои пальцы, и этих секунд мне хватило, чтобы вы-

ступить вперёд.

— Михаил Алексеевич, очень любезно с вашей стороны. Мы с удовольствием... — Взгляд Ли я почувствовал щекой и поправился: — То есть генерал как раз хотел сказать, что благодарен вам за заботу.

Ли не подтвердил и не опроверг. Он только одёрнул обшлаг, возвращая его в уставное положение.

— Вот видите! — Губернатор обернулся и расцвёл. — Александр Иванович меня понимает!

Понимал я его и впрямь неплохо, и вряд ли он обрадовался бы, узнай, насколько. Из дома мы вышли втроём. Таис плыла впереди, показывая путь к генеральскому вельботу, будто мы сами его не знали. Ли молчал, и пока мы шли, я приготовил три оправдания и выбросил все три. Там, где дорожка огибала кусты и наша провожатая ушла далеко вперёд, генерал остановился.

— Васильков. Запомни. Мой рукав — часть формы, а не рычаг.

— Откажись мы от неё, губернатор решил бы, что мы удираем на орбиту, и обиделся бы. А чем это грозит, когда он обижается?.

— Мне его угрозы до одного места.

— Как бы нам это не нравилось, но, он хозяин этой планеты.

— Только что этот хозяин приставил к нам наблюдателя.

— Зато этого наблюдателя мы видим. — Я кивнул вслед

Таис. — Лучше знать, откуда на тебя смотрят, чем гадать и вертеть глазами по сторонам.

Ли проследил за моим кивком. Таис уже ждала у трапа, отвернувшись к холмам.

— При ней о деле ни слова.

— Так точно. Буду любоваться видами.

— Молча.

— Ну, это выше моих сил...

Ли зашагал к вельботу, не оглядываясь. Спор я, по всем признакам, выиграл, только радоваться пока не тянуло.

Таис села напротив меня, сложила ладони на коленях и замерла. Едва вельбот оторвался от площадки, Ли вызвал «Ас-кольд».

— Слушаю, господин генерал.

— Я задерживаюсь на планете до ночи. Подготовку продолжать по плану.

— Есть продолжать по плану.

Своему правилу Ли следовал первым: из этого разговора губернатор, перескажи ему Таис хоть каждое слово, узнал бы только, что гости задерживаются. Едва связь отключилась, она ожила.

— Вам неудобно, Александр Иванович?

— Мне? Нет. С чего ты взяла?

— Вы опять трогаете воротник.

Руку от воротника я убрал и покосился на генерала, но тот смотрел в иллюминатор.

— А вам... вам тут не жарко? — ляпнул я и тут же сообщил, что спрашиваю машину, не потеет ли она.

— Мне никогда не жарко. — Таис улыбнулась.

— Давно ты у него?

— Михаил Алексеевич говорит, что всегда.

— И как тебе?

— Он заботится о том, чтобы мне не о чем было тревожиться.

— А если бы было о чём?

— Тогда он позаботился бы и об этом.

Прозвучало это так же тепло, как всё остальное, но мне отчего-то захотелось проверить, хорошо ли задраен люк. Я спросил о другом:

— Имя тебе тоже он выбирал?

— Господин говорит, что оно мне идёт.

— Идёт, — согласился я. Из всего, что я наговорил за день, это была первая фраза, за которую не пришлось краснеть.

Если я ничего не путал в истории, первую Таис запомнили за речь на пиру, после которой Александр Македонский сжёг персидский дворец. Губернатор, полагаю, выбирал на слух. Меня, если на то пошло, тоже звали Александром, и это совпадение мне не понравилось.

Холмы под нами быстро закончились, потянулись крыши, и я прилип к окну. Солнце, пока мы гостили у губернатора, заметно сползло, жара пошла на убыль, и город, весь день

пролежавший пластом, высыпал на улицы, как выбирается из-под камня живность, когда камень остынет. Переулки густели с каждой минутой, а больше всего народа было у базара. Его я узнал по навесам, выгоревшим до цветов, у которых давно не осталось названий. Звук сквозь обшивку не доходил, но шум я видел и так: внизу колыхалось, закручивалось водоворотами и снова растекалось по рядам людское месиво.

— Господин генерал, может, сядем здесь?

— Тамлюдно, Васильков. И грязно.

— Михаил Алексеевич просил показать вам лучшее, — мягко напомнила Таис.

— Лучшее мы уже видели. Теперь хочется посмотреть, на чьи... — Язык, о котором мне сегодня столько рассказали, споткнулся, и я закончил иначе: — ...как живут остальные.

Ли едва заметно повёл подбородком. Этим движением он обычно разрешал говорить, а сейчас, по-моему, одобрял, что я не договорил.

— До восьми мне всё равно, где ждать. — И, не оборачиваясь, бросил пилоту: — Сажайте вон там.

Пилот посадил вельбот точно посреди площади, не задев ни одного прилавка. Навесам повезло меньше. Тяга подхватила их, они вздулись парусами и хлопнули, а с ближних лотков взметнулось облако из песка, пыли и, как я вскоре узнал собственными обонятельными рецепторами, чьего-то молодого перца. Облако повисело, подумало и осело обратно, в основном на новоприбывших. Со всех сторон на нас завопи-

ли, и дружеских приветствий в этих воплях не наблюдалось.

Я чихнул, потом ещё раз. Ли перенёс перец в носу с тем же лицом, с каким выслушивал доклады.

— Людно и грязно. Всё, как вы обещали.

— Я не обещал, Васильков. Я предупреждал.

Таис вышла из салона, когда облако уже улеглось, и на её тунике не оказалось ни пылинки. Повезло ей или она рассчитала время, я тогда не разобрал.

Базар проглотил нас, не разжёвывая. Сначала пришёл запах: под навесами застоялся дневной дух, густо настоящий на корице, жжёном сахаре и горячем масле, и я прослезился раньше, чем глаза привыкли к полосатой тени. Потом из тени проступили прилавки. Пряности лежали на них горками, рыжими, бурыми и багровыми, насыпанными так аккуратно, будто их ровняли по линейке, и над каждой горкой сидел хозяин, как правило, сухой и смуглый, в длинной светлой одежде до пят и в платке, оставлявшем открытыми одни глаза. Глаза оценивали прохожих быстро и без сантиментов, как оценивают товар. Таких людей я видел в учебнике истории, на картинках под словом «бедуины», и учебник уверял, что эта глава давно закрыта. Пустыне Караима хватило одного поколения колонистов, чтобы открыть её заново.

Кричали здесь все и разом. Хозяева лотков перекрикивали друг друга, покупатели перекрикивали хозяев, где-то под молотком звенела медь, на раскалённых листах шипели лепёшки, и то тут, то там вспыхивала ругань, без единого бран-

ного слова и всё равно жгучая, как перец. Сам я насколько себя помню, ни разу не торговался: с моей фамилией вопросы цены были чем-то, что случается с другими людьми. Здесь же цена оказалась живым существом. Её рождали в крике, растили, размахивая руками, и хоронили под причитания обеих сторон, после чего покупатель уходил с товаром, а продавец садился на место с лицом вдовы, которой досталось неплохое наследство.

Я по привычке разглядывал руки и лица. Руки здесь были сухие, цепкие, в тёмных трещинах, и ни одна не лежала без дела. Лица прятались под платками, а открытые закрывались сами, стоило нам подойти. Перед Ли расступались без всяких просьб. Генерал шёл через базар не ускоряясь и не сворачивая, и люди, завидев погоны, а может, и его самого, торопились убраться с дороги.

Здесь было полно туристов с других планет, в одинаковых широкополых шляпах и с обгоревшими носами. Они снимали всё подряд, от ковров до торговцев, а напоследок друг друга на фоне торговцев. Неподальёку два соседа ругались из-за полоски земли шириной в ладонь между своими лотками.

— Моя территория! — кричал один, тыча в полоску пальцем. — Мой отец здесь торговал!

— Твой отец здесь пьяным спал, — не уступал другой, — потому что торговать не умел! А васильковую пыль нюхать умел...

Ругались они самозабвенно, перебирая предков до седь-

мого колена, и дело шло к драке, когда на спорную землю шагнул турист. Он был огромен, на две головы выше любого в толпе: такие вырастают на одной знакомой мне планете с двойной тяжестью. Соседи разом умолкли, переглянулись и повернулись к нему.

— Плати, господин! Смотри какой товар!

Великан, ничего не поняв, заплатил обоим. Соседи тут же помирились, обнялись и разошлись по местам довольные. Спор о границе уладили, как это часто бывает, за счёт третьей стороны.

Торговец тканями оказался храбрее прочих. Он выскочил нам навстречу, и не успел я опомниться, как на плечи Таис лёг платок цвета вечернего неба.

— Даром, господин! — Поклон достался мне: кто здесь папочка, пусть в данный момент и без гроша в кармане, но походку и манеры не спрячешь, торговец определил безошибочно. — Для такой красавицы даром!

— Даром — это сколько?

— Почти даром, господин! — Он оживился: понимающий покупатель попадаетеся не каждый день.

Назвать цифру он не успел. Таис сняла платок, сложила вдвое и протянула ему с той же улыбкой, с какой отвечала мне в вельботе.

— Благодарю. Михаил Алексеевич не любит, когда на мне чужие вещи.

При этом имени продавец погас, как экран при обрыве

питания. Он забрал платок, отступил за прилавок и вдруг очень заинтересовался собственным товаром. Соседи по ряду, все разом, перестали нас замечать.

— Твоего Михаила Алексеевича здесь, я смотрю, знают.

— Безусловно.

Голос у неё остался таким же ласковым. В губернаторском доме это имя двери распахивало. Здесь оно их, а вернее рты, похоже, захлопывало, да и взгляды теперь соскальзывали с нас, едва коснувшись. Я так засмотрелся на это изменение настроения окружающих, что мальчишку заметил только в последний момент.

Сначала из толпы вынырнул худой смуглый кулак, стиснутый до белых костяшек, а следом и весь паренёк, лет десяти, босой, в рубахе с чужого плеча. Он летел прямо на меня, не разбирая дороги, и я разглядел его лицо, острое и испачканное, с глазами, в которых не осталось ничего, кроме бега. Поймать его я мог: скорость осталась при мне. Вместо этого я развернулся боком, и мальчишка, чиркнув меня плечом, нырнул под локоть и пропал.

Следом, расталкивая покупателей животом, из-за прилавков вывалился торговец, толстый, багровый, в съехавшем на ухо платке.

— Держи вора! — вырывалось у него вместе с одышкой.
— Стой, отродье! Чтоб тебе воду только во сне видеть! Держи его!

Меня он едва не снёс. В последний миг я посторонился,

только, так уж вышло, не в ту сторону, и тол

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.